

Геннадий Иси́ков

Дом на шелковом пути

Геннадий Исиков

Дом на шелковом пути

«Автор»

2026

Исиков Г. А.

Дом на шелковом пути / Г. А. Исиков — «Автор», 2026

Раскрывая тайны горного КазахстанаВ представляемой повести опытный прозаик, журналист и профессиональный лесничий Геннадий Исиков рисует образ горного Казахстана конца 1960-х годов, где ростки развитого социализма еле пробивались сквозь многовековые феодальные устои, а законы природы оставались много выше законов Партии. Повесть «Дом на шёлковом пути» – уникальное свидетельство очевидца, обличённое в увлекательную художественную форму и содержащее интереснейшие подробности о быте и национальных традициях казахского народа, ещё не так давно делившего с нами единый дом под названием СССР.Максим БУРДИН,издатель, писатель, публицист,общественный деятель

© Исиков Г. А., 2026

© Автор, 2026

Геннадий Исиков

Дом на шелковом пути

Дорога в Нарынкол

1 августа 1967 года.

Виталий Кутелев вошел в здания Алма-атинского областного Управления внутренних дел, обратился к дежурному офицеру.

– Подскажите, где оформляют пропуск в пограничную зону?

– Десятый кабинет, справа по коридору.

За стеклянной стойкой седовласый мужчина со шрамом, в кителе с погонами полковника, и боевыми орденами на груди.

Виталий подтянулся, встал в стойку смирно.

– Здравия желаю, товарищ полковник! По распределению Лениногорского лесного техникума направлен в Нарынкольский лесхоз на должность помощника лесничего. Мне необходим пропуск в пограничную зону.

– Попрошу документы. Паспорт, военный билет, три фотографии и направление.

Виталий подал в окошечко, и добавил диплом.

Полковник полистал паспорт.

– Девятнадцать лет?.. Почему не в Армии?

Виталий показал ладонь, шрам у большого пальца.

– Сухожилие перерезано, палец не сгибается. У нас в Хрущевском поселке водопровод строили. Трубы вдоль дороги разложили вдоль канавы. Иду из школы домой, вижу, трубы вдоль траншеи, по трубе и пошел, балансировал, чернильницу стеклянную в ладони нес. Не удержался, потерял равновесие, упал в грязную лужу, где гуси плавали. Чернильница разбилась о камень, я стеклышки из раны вынул, кровь грязную выдавил, пока чистая не пошла, палец зажал, и домой. Вызвали скорую, сделали операцию.

Полковник полистал военный билет, посмотрел статью.

– «Хирургическая». «Рядовой запаса». Будешь на сборы ездить каждый год на месяц, повышать мастерство в стрельбе из разного оружия, до пятидесяти лет.

– Понятно, товарищ полковник. – Тихо ответил Виталий.

– Не непонятно, а так точно!.. – С сочувствием, по-отечески, и нотками любви в голосе, произнес полковник, кивнув, показал карандашом на стенд с образцами документов.

– Пиши заявление.

Полковник не остался равнодушным к посетителю. Лицо приятное, даже красивое, одухотворенное, тонкие черты, карие глаза. Стрижка модная, полубокс, стройный, худощавый, ему бы мышцы накачать.

Виталий выбрал на стенде нужный образец, сел на выдавший виды стул.

Взял из тонкой стопки чистый лист бумаги на обшарпанном столе, с облезшим местами лаком, макнул ручку с ученическим пером «пёрышко» в чернильницу, написал заявление, подал полковнику в окошечко.

Полковник улыбнулся и занялся оформлением пропуска, а Виталий подошел к стенду, и, чтобы себя чем-то занять, стал из любопытства читать образцы заявлений.

Полковник выглянул в окошечко.

– Виталий Георгиевич, вот ваш диплом, пропуск, паспорт, военный билет. Удачи!

Виталий забрал документы.

– Спасибо!.. До свидания, товарищ полковник!..

– До свидания. – Полковник, как бы сам себе, вполголоса, вдогонку посетителю, добавил.
– Эх, сынок, сынок, да как же ты жить то там будешь?..

Виталий краем уха услышал, и с обидой воспринял эти слова в свой адрес: – «Я и сам знаю, что выгляжу, как худой и длинный старшекласник, всегда первым стоял в строю. Да, мне девятнадцать лет, и я начал свою карьеру с должности помощника лесничего Государственной лесной охраны, и, теперь, как и полковник, тоже государев человек. В лесхозе получу форменную одежду, и в петлицах у меня будет две звездочки, размером такие же, как у полковника. И, получается, что в своем ведомстве я уже как бы подполковник, если судить по звездочкам в петлицах. В императорской России лесничий получал титул дворянина. Сейчас другое время, революция отменила титулы. И лесоводство не то, что было при императоре. Охрана леса и его возобновление ведутся так, как предлагают ученые лесоводы. А мои годы дело наживное. Главное, теперь до места назначения доехать и опыта набираться. Поступлю на заочное отделение, факультет инженеров лесного хозяйства. А там и должность лесничего не за горами, потом главного лесничего, а с годами, и директора, а, может, и в областное управление главным специалистом пригласят, а оттуда и в Министерство дорога не заказана. Все зависит от того, как себя проявлю».

Утром 4 августа 1967 года Виталий, собрав в рюкзак с вещами и продуктами на первое время, попрощался с родными так, словно он к вечеру вернется, и завтра снова ему на работу, обычно.

У Людмилы Фёдоровны, мамы Виталия из глаз покатались слезы. Виталий успокоил.

– Мама, мы теперь будем видеться чаще, буду приезжать в город.

Отец поцеловал, пожал руку и пристально посмотрел в глаза Виталию, словно догадываясь, как сложится судьба у сына. Вышел на самостоятельную дорогу, и надеяться должен сам на себя. Я уже тебе не помощник.

Брат Олег, второкурсник медицинского училища, шепнул.

– Жди в гости. Приеду.

Сестра Оля пойдет в восьмой класс, прижалась к брату и поцеловала в щечку.

До автовокзала доехал за полчаса. На остановках таблички с надписями маршрутов в города, районные центры области, в соседние столицы Фрунзе и Ташкент.

У остановки с надписью «Нарынкол» Виталий встал в очередь за высоким худошавым мужчиной с объемным рюкзаком, к нему привязаны палатка, куртка, веревка, ледоруб: – «Похоже, альпинист».

Виталий тихо произнес.

– Еще бы чуть-чуть и опоздал.

Альпинист обернулся.

– Время есть.

Окинул взглядом Виталия, он ему кого-то напомнил, слышал этот тембр голоса, но спрашивать, знакомы ли, не стал.

Виталия восхитил его умный спокойный взгляд светло-голубых глаз. Фигура сухоощавая, лет за сорок, борода коротко пострижена. Поверх шерстяной вязаной шапочки на лбу солнцезащитные очки, решил – он альпинист, а я ни с кем из них незнаком. Отец мой поднимался на пик Комсомола после окончания спортивного техникума, еще до войны, и он мог выглядеть примерно так же.

Виталий вспомнил, видел эти глаза, серьезный, и в то же время ироничный взгляд, слышал этот голос, но где?.. Когда?.. С альпинистами не знаком, это точно. Бывают же совпадения. Или нет?

К автобусу подошли водитель и женщина. Водитель открыл дверь, и у входящих контролер стала проверять билеты. Альпинист пропустил всех, вошел последним, поставил рюкзак в проходе и сел рядом с Виталием на переднее сиденье.

Легкая, едва заметная улыбка не сползает с лица Виталия, он счастлив, он начал взрослую жизнь в должности помощника лесничего в горах Заилийского Алатау величавого Тянь-Шаня!.. Он рад и тому, что сиденье в первом ряду справа от водителя. Обзор за лобовым стеклом прекрасный, словно ты в кинотеатре, и видишь знакомую с детства улицу любимого города, и скучал по нему, пока учился. Впереди ожидают новые впечатления, все путешествия манят неизвестностью.

Автобус отправился, замелькали дубы вдоль дороги, усадьбы первых жителей семиреченских казаков. За оградами сады из яблонь, груш и черешен, их можно различить по кронам, груши тянутся ввысь, яблони вширь, а черешни ниже яблонь и они ветвистые.

В глубине тополевой рощи Баумана, сто с лишним лет назад возведена крепость Верная, как пятиугольник, ее за деревьями не видно, отсюда и разрослась станица усадьбами и превратилась в цветущий сад весной, город Алма-Ата.

Прапрапрадеды Виталия, казаки Шевченко и Кутелев, жили здесь с 1847 года, а их родовые иконы до сих пор висят в углу комнаты у деда Шевченко Федора Федоровича, безбожника, на улице Дачной. А ухаживает за иконами, и подливает масло в лампадку, Пелагея Федотовна в девичестве Кутелева, его жена, любимая бабушка Виталия. Утром, и в обед, и вечером молилась, кланяясь, прося у Бога защиты ее семье. Изо дня в день. И Виталий, тогда, в детстве, глядя на любимую бабулю, прикладывал свои пальчики ко лбу, так, значит, и надо поступать.

Виталий помнит и скучает и по саду и дому деда, где провел детские годы.

Бабуля так всегда говорила: «Даст Бог день. Даст Бог и пищу»!.. И Виталий верит, что Бог и его бережет, просила Бога и за него бабуля.

Виталий едет в автобусе, представляет себе старый город.

... Да, где-то здесь, у крепости Верной, и на берегах горных рек Алмаатинки и Казачки, оставили после себя построенные ими дома, и их детьми тоже.

За четыре года, пока учился в Лениногорске в лесном техникуме, ничего в этой части города не изменилось, все та же улица с огромными дубами по бокам. И так же в небе на горизонте блестят на ярком солнце черные пики гор и алмазные ледники Тянь-Шаня.

«ПАЗ», автобус популярный и выносливый, на базе грузового автомобиля Газ 52, на двадцать четыре пассажира, американский двигатель такой же мощности, как у легкового автомобиля «Победа Газ-20», а тащит две с половиной тонны, обладает огромной тяговой силой, такие автобусы хороши для неспешной езды в горной местности. Сиденья, обшиты дерматином, стекла на окнах раздвигаются.

Зной, жара невыносимая, за тридцать, солнце плавит асфальт, и воздух раскален. Натужно воет двигатель, добавляя горячего воздуха в салон, спасет то, что в открытые окна врывается свежий теплый ветер с гор.

Пейзажи плывут, сменяя один за другим. Время словно растянулось. Прапрапрадеды прибыли в Семиречье сто двадцать лет назад и оставили после себя город. Как быстро и невидимо летит Время. День за днем. Неделя за неделей... Месяц за месяцем. Год за годом. Не каждому, но удастся прожить сто лет, целый век!.. А что я успею сделать за свою жизнь?..

Солнце висит над автобусом, дорога ведет на северо-восток. Чем дальше от города и выше в горы, тем легче дышать, ветер с гор начинает приносить легкую прохладу.

Дорога, петляя на изгибах, поднимает автобус на следующую сотню метров выше от уровня моря. Открывая перспективу на горизонте далёких вершин гор, она открывает галерею картин, пейзаж за пейзажем меняются, завораживая красотой.

С одолением высоты все более прохладный ветер нет-нет, да и ворвется в открытые окна салона.

Солнце скатилось далеко за полдень. Вдруг автобус словно ахнул!.. Это пассажиры ахнули в едином выдохе восторга!.. Те, что сидели с правой стороны, высунулись из окон,

заговорили возбужденно, призывая посмотреть полусонных и разморенных зноем соседей на скалу.

Открылся вид на семью горных диких баранов, горалов!.. На крутом подъеме они оказались на одном уровне с окнами автобуса, и пассажиры оказались наблюдателями картины дикой природы!.. всего в десятке метров от автобуса!.. их можно рассмотреть!..

Самец, огромных размеров горал с загнутыми в круг рогами, стоит над обрывом с гордо поднятой головой, длинная борода и шерсть колыхаются на ветру. Черные глаза, блестя, следят за людьми. Стадо больше чем из десятка молодых самок и козлов отдыхает!.. Не выражая никакого беспокойства!.. Одни щиплют траву, другие лежат, два подростка козла бьются лбами!..

Проводили картину взглядами, пока автобус не уполз за поворот.

Вот это зрелище, так зрелище!.. Мощь!.. Справа, в десяти метрах от автобуса, невозмутимо спокойное стадо горалов!.. Рога вожака завернуты, почти, что в круг!.. Мощь во всем его виде, величие властелина природы!..

В эти минуты Виталий впервые ощутил романтику своей профессии и гордость.

Дед был прав, когда посоветовал поехать учиться в лесной техникум. Лесничий – замечательная должность, охранять дикую красоту природы, её обитателей.

Вдали, на фоне далеких гор и долины показались дома селения, справа склон горы внезапно разверзся, словно его разгребали бульдозерами и расчистили проход, и показалась долина, на ней вдали два села, аула, на горизонте острые вершины гор.

Сосед поднял рюкзак, прошел на выход.

– Останови.

Автобус остановился, альпинист вышел.

Поехали дальше.

Виталию стало интересно, и он, подойдя к водителю, держась за стойку, поинтересовался.

– Что ему здесь надо?

– Тут дорога на пик Хантенгри, километров сорок, альпинисты в одиночку ходят, даже на озеро Иссык-Куль можно уйти, в Киргизию, и дальше.

Показался поселок Нарынкол, у дороги табличка с названием. Автобус переехал деревянный мост через реку с быстрым течением, въехал на широкую улицу с пирамидальными тополями. Вдоль улицы просторные усадьбы, добротные дома. Перпендикулярно пересекаются такие же улицы, все опрятно, словно это военный гарнизон на несколько тысяч военных и гражданских, бывшая казачья станица.

Остановился автобус в центре у скромного автовокзала с кассой и скамейкой под навесом для ожидания автобуса. На пересечении с улицей из типовых двухквартирных домов для работников администрации и совхоза, школой и интернатом.

Виталий спросил, как пройти в контору лесхоза, ему подсказали и он, накинув рюкзак на плечо, направился на поиски.

Над крыльцом просторного дома стеклянная в рамке вывеска зеленого цвета, на ней надпись: «Алма-атинское областное управление лесного хозяйства Нарынкольский лесхоз».

Открыл добротную сделанную дверь, прошел по коридору и оказался в просторном актовом зале с подмостком, портреты руководителя СССР и Каз. ССР, трибуной, красным переходящим знаменем в подставке.

В зале скамейки сдвинуты к стене вдоль окон, посреди зала длинный стол для президиума, два стула, на одном сидит молодой казах в гражданском костюме в светлой рубашке с галстуком, подстрижен по моде, выглядит опрятным.

Виталий поздоровался.

– Где найти директора?

– Как вас представить?

После окончания Лениногорского лесного техникума направлен на работу в Нарынкольский лесхоз помощником лесничего Текесского лесничества.

– А мы вас давно поджидаем, приказ из областного управления пришел. А я ваш лесничий, давайте знакомиться, меня зовут **Абдукарим Салимович Абдуев**.

– Виталий Георгиевич Кутелев.

– Я провожу.

Лесничий провел по залу до двери с табличкой «Директор» и пропустил Виталия пройти первым.

Директор говорил по телефону, взглянул на посетителей, попрощался и положил трубку.

– Владимир Сергеевич! К нам на работу выпускник техникума прибыл.

Директор показал на стулья, приглашая к столу.

Лесничий представил.

Директора Нарынкольского лесхоза зовут Владимир Сергеевич, фамилия Строганов.

– А это твой лесничий, – Строганов кивнул в сторону казаха. – Присаживайтесь. Рассказывай откуда родом, что за причина подвигла работать в системе государственной лесной охраны.

– Родился, говорят, на пасеке колхоза Горный Гигант в урочище Медео. Детство прошло на окраине города, затем санаторно-лесная школа под Каскеленом, полюбили быть на природе. Хотел на пчеловода выучиться, но такой техникум один на всю страну под Ленинградом, родители побоялись отпускать. В газете прочитал объявление о приеме в лесной техникум. Посоветовался с дедом, можно ли, работая лесоводом, заниматься пчелами, дед одобрил выбор. А потом учеба и практика в Восточно-Казахстанской, Семипалатинской и Павлодарской областях. А направление попросил в Алма-атинскую область, поближе к родителям, у нашей семьи квартира в Хрущёвском поселке. Вот так у вас и оказался.

– А я окончил лесной факультет в Алма-Ате, не выбирал, куда государство направило, сюда и приехал работать, и ты тут обязан работать, привыкать, обживаться. На первое время у тебя есть однокомнатная квартира при конторе лесничества, а просторный дом сам для себя построишь, это не сложно, специалисты у нас в районе есть, сложат из бруса, теплый, светлый. Пару дней поживешь у меня, поделюсь опытом, познакомишься с бухгалтером, получишь форменное обмундирование, бланки строгой отчетности, лесничий введет в курс дела, а затем к месту службы в Каратаган, это отделение животноводческого совхоза, пастухи кочуют с отарой овец, в юртах живут, а семьи, старики, дети – в ауле. Твой сосед по квартире объездчик Усабаев, он тебе ключи отдаст от квартиры и конторы.

Директор о чем-то задумался и обратился к лесничему.

– **Абдукарим Салимович**, ты тут оставайся за меня до конца рабочего дня, если что, позвонишь, а мы пойдем ко мне, Виталию надо с дороги отдохнуть, пообедать, хотя скоро и ужинать время подходит.

В конце той же улицы, где и контора лесхоза, дом из кругляка ели на века, по-сибирски, с резными наличниками на окнах и фронтоне, по русской традиции, сделанными мастерами с любовью. Усадьба огорожена крашеным штaketником.

Строганов открыл калитку, тротуар приподнят над почвой, вымощен речной галькой одного размера, скрепленной цементным раствором. У веранды по бокам от дорожки цветники, кусты сирени, их темно зеленые листья еще не опали.

Вошли в дом, из кухни вышла миловидная женщина в легком ситцевом платье, подвязанная фартуком и с полотенцем в руке.

– Валя, познакомься. Виталий Георгиевич, наш новый помощник Текесского лесничества.

– Для вас просто Виталий, вы, похоже, ровесники моих родителей. А по отчеству как будете?

– Валентина Петровна.

– Проходи в зал, – Строганов показал на открытую дверь в соседнюю комнату, – ночевать будешь на диване. Валя, покажи гостю усадьбу, расскажи, что растет, он же городской, как ухаживать, ему тоже придется заняться сельским хозяйством. Фрукты и овощи в Каратаган не завозят. Казахи все в прошлом кочевники, скотоводы, к картофелю непривычны, а у русских это второй хлеб. Кстати, и хлеб тебе придется самому печь. Жену с собой не привез?

– В техникуме посчитал, что рановато жениться, хотя и нравится однокурсница одна, ее на инженерскую должность в Лебяжье направили, в Павлодарскую область. А печь хлеб, видел, как бабуля моя с тестом возилась. Лепешку, пожалуй, в сковородке поджарю.

Прошлись по тротуару в сторону строений. Часть огорода занята грядками с картофелем с пожухлой ботвой, капустой, морковью, свеклой, луком, все прополото, ухожено. Отдельно плодовые деревья: яблонь апорта, зимнего сорта с неснятым еще урожаем розовых яблок, груши, абрикосы, сливы, черешни, Виталий легко их определил по листьям, расположением веток, цвету коры стволов.

Дверь в сарай открыта. В загончике испуганная дикая коза с яркими желтыми пятнышками на темно-рыжей шкуре и белым пятном у подхвостья. Во втором доверчиво смотрит на хозяйку полугодовалый теленок. Пустующие стойла, видимо, для лошади и коровы. В кормушках понемногу наложено сено.

– Володя козочку прошлой осенью с охоты привез. Козу подстрелил, она упала, а к ней козленок подошел. Козленка петлей поймал. Год у нас живет.

– Да. Теперь это взрослая коза. Красивая, миленькая, видел таких в зоопарке в Алма-Ате. А можно ее потрогать?

– Меня не боится, ручная, а тебя, сам видишь, пугается.

– Вы знаете! Я в восторге! Мое ощущение к ним и отношение, что олени любого вида, дикие звери, выглядят как благородные люди, они грациозны и ведут себя с достоинством.

– Валентина Петровна улыбнулась глазами, а губы выдали еле уловимую усмешку.

Вернулись в дом, хозяйка прошла на кухню, Виталий в зал.

Строганов сидит в кресле, полу развалившись, читает областную газету «Огни Алатау».

Виталий вспомнил, в такой же газете он четыре года назад и прочитал объявление о наборе на учебу в лесной техникум. И вот он уже помощник лесничего, и теперь так приятно осознавать себя командиром производства, как любил говорить Досым Кимбаевич, завуч по воспитательной работе.

Строганов отложил газету на стол.

– Проходи, садись. Казахский язык знаешь?

– Казахскую литературу проходили в восьмом классе, а язык нам в школе не преподавали. В Алма-Ате все на русском учатся в школах, и разговаривают, кто бы какой национальности ни был, русский, немец, чеченец, кореец, белорус, украинец. Вы об этом сами знаете. И в Восточно-Казахстанской области, где учился, в основном, русские живут, горняки в городе Лениногорске. Ни одного казаха в техникуме нет. Эти места староверы обживали, мы помогали сено им готовить для совхоза. И в Семипалатинской области я всего несколько семей казахов видел в селе. И в Павлодарской, я там тоже практику в лесничестве проходил, в шестидесяти километрах на юг от села Лебяжье, это тоже бывшая казачья станица на реке Иртыш. Там теперь живут немцы, высланные перед войной из Немецкого национального округа на Волге, Ворошиловграда, ну, и русские, конечно, потомки казаков.

Строганов, слегка покачиваясь в кресле, с озабоченным видом, спокойно и доброжелательно, посмотрел на Виталия.

– Скажу честно, поначалу тебе будет непросто. В этих местах казахи живут издревле. Уйгурский национальный округ по ту сторону границы. Во время революции часть казахов с басмачами и белогвардейцами ушли за кордон, к уйгурам. Сейчас в коммунистическом Китае

голод, и казахов и русских выслали, своих-то китайцев кормить нечем. Сорок процентов населения района это и есть из Китая, казахи русский язык не знают. В Нарынколе русских семей немного, это потомки красного казачества и русские специалисты, направленные сюда по распределению, так же как и ты. Дети высланных казахов ходят в школы, учат предметы, как и все, на русском языке, а дома и меж собой, и наши казахи и из Китая, говорят на родном языке. Вражды нет, но провокации со стороны Китая, набег вооруженной группы людей возможен. Китай по всей границе проводит провокации, чтобы разжечь войну и захватить спорные территории и отвлечь внимание от голода, да и войной сократить часть населения.

– Но ведь в Китае у власти коммунистическая партия и у нас коммунистическая. Шестая статья Конституции говорит, что руководящая роль у КПСС. Неужели на самом верху между собой не могут договориться китайские и наши коммунисты?

– В Китае обиделись, что Хрущев не передал Китаю ядерное оружие. Конечно, понятно, в КНР миллиард населения, а у нас треть. Опасно, посчитал наш генсек. Как говорится: «Восток – дело тонкое». Так что Советскому Союзу со всеми странами во все времена надо быть настороже. Жить тебе придется у самой границы.

– А как же альпинисты в одиночку ходят на Хантенгри? Ехал с одним таким в автобусе, большой рюкзак, ледоруб, веревка, темные очки на шапочке.

– По ледникам не бродят террористы. Китайцы устраивают провокации на самой границе, их пограничники стреляют в наших пограничников. Так что в одиночку в горы не ездят, только с охраной из лесников, что постарше, они и в Отечественной войне участвовали, и совхоз строили, все хорошо владеют русским. А чтобы выписывать лесорубочные билеты для казахов из Китая тебе небольшой запас слов выучить придется. Тебе Усабаев поможет.

– Усабаев говори на русском?

– Он наш, советский, хоть и бывший хозяин огромной территории, настоящий бай, его дочь твоя ровесница, окончила педагогическое училище и учит детей в школе русскому языку, так что там найдется, кому тебе помочь.

В комнату вошла Валентина Петровна и стала сервировать стол, по тарелкам раскладывать еду.

– Одними разговорами сыты не будете, давайте ужинать.

Мужчины продолжили беседу.

– Село большое?

– Аул, одна улица, отделение совхоза, на берегу речки Баянкол. Место красивое, альпийские луга вокруг, в тридцати километрах пик Хантенгри, означает Повелитель неба или царь духов. Посети, как-нибудь, это святое место, прокатись на лошади, только не одиночку, в сопровождении лесника, тебя больше уважать станут. Мечетей в аулах нет, за все отвечают парторги, религию и обычаи чтут все, от малого до великого. Казахи, как, впрочем, и в других республиках Азии из феодализма в коммунизме оказались, а в роли рабочего класса выступают пастухи. Семьи большие, аборт и выпивки осуждаются.

– Совсем не бывает?

– Религия запрещает. Так и по нашим законам запрещено.

– Поликлиника есть?

– В райцентре все есть, и поликлиника, и больница и стационар, и врачи по нормативам от численности населения в районе, а в аулах фельдшерские пункты. Нарынкол, это бывшая казачья станица на границе, можно заметить, что спроектирована как и станица Верная, улицы прямые, расположены перпендикулярно по отношению друг к другу. Контора лесхоза бывший штаб, место офицерского казачьего собрания. На границе во все времена неспокойно. В Китае сейчас голод, в год каждому человеку положено два метра материи на все нужды. Культурная революция привела к перекосам в экономике. В СССР в тридцатые годы боролись с классом кулаков, их семьи лишались имущества, его обобществляли, скот, плуги, бороны, конные сено-

косилки, а самих людей отправляли в ссылку на север Урала, в Сибирь, в глухомань, выживай, как сам знаешь, никто о них не заботился. А в Китае пошли дальше, хуйвенбины, комсомольцы по-нашему, активисты, расстреляли тридцать миллионов мастеров своего дела, народ согнали в коммуны на перевоспитание трудом. А еще объявили войну воробьям, мол, зерна риса склевывают, воруют, а без воробьев насекомые вредители погубили весь урожай, и начался голод.

Утром Виталий проснулся от позвякивания посудой. В окна сквозь тюль сочились яркие лучи солнца.

Виталий сложил простыни и легкое одеяло, вышел к хозяйке.

– Доброе утро.

– И тебе. Как спалось? Отдохнул?

– Спасибо.

– Сходи в баню, там вода теплая, можешь ополоснуться, полотенце для тебя повесила, твое зеленое.

Директор возится в сарае, скребя лопатой по доскам, убирает навоз.

– Доброго дня!

Директор поставил лопату в угол у двери, вышел на тротуар поздороваться.

– В таких случаях говорят – Бог в помощь!

– Замечательная у вас усадьба, дом светлый, уютно.

– Вот и ты себе такой построй.

– На мой оклад такой дом не построишь.

– Так ты не забывай, что ты хозяин леса, займись охотой. Я первым делом охотничье ружье себе купил, фирменное, выписал сам себе охотничий билет, и тебе выпишу с правом ношения оружия. Затем высмотрел, где кабаны водятся, и где тропы. На крутом берегу, чтобы зверь меня не почуял, сделал засидку и открыл счет убитым зверям. В райисполкоме оформил документы на участок земли под строительство дома. И у тебя с этим проблем не будет. Нанял строителей, здесь люди живут казачьего сословия, мастера на все руки. Познакомился с руководством района, начальником милиции, КГБ, вместе ходим на изюбря, двое на засидке с боевым оружием, третий в загоне. И для себя на зиму мясо и продать можно, этим и рассчитывался, вот так дом и построил.

Вернулись в дом.

За завтраком директор по-отечески глянул на Виталия.

– У тебя сегодня ознакомительный день. Зайдешь к **Зинаиде Павловне**, к бухгалтеру, тебе выдаст форменное обмундирование, специально для тебя заказали в Управлении, по твоему размеру.

– Владимир Сергеевич, вы меня удивляете все больше, откуда вам знать про мои размеры?

– Мы подавали заявку на специалиста в управление, а с ответом пришли и твои размеры. Ты медкомиссию в Армию проходил? В медпункт техникума обращался хоть раз?

– Конечно. За нашим состоянием здоровья следили, проводили медосмотры, взвешивали, измеряли рост, объем груди, пульс и давление измеряли. А еще я уколы учился делать на своем друге Володе Савельеве. Практику проходил в Павлодарской области в лесничестве, где всего четырнадцать домиков и гараж для пожарной и грузовой машины Газ-52. На всякий случай, думаю, надо научиться и укол самому себе сделать.

– И как?

– Это несложно. В лесу, если поранился, самое опасное, это столбняк.

В конторе лесхоза лесничий уже сидит за столом, директор проводил Виталия в бухгалтерию.

В залитой солнцем комнате со шкафом и сейфом за столом миловидная женщина крепкого телосложения, с косой, закрученной на голове, нежно голубыми глазами, лет тридцати пяти.

– **Зинаида Павловна**, познакомься, молодой специалист Виталий Георгиевич Кутелев, введите его в курс дел, приказ я сейчас подпишу, выдайте бланки лесорубочных билетов, объясните, как сделать отчет за месяц, и выдайте форменное обмундирование.

Директор вышел. **Зинаида Павловна** достала из сейфа толстую в розовой обложке тетрадь размером с печатный лист для пишущей машинки, открыла первую страницу с водяными знаками как на денежных купюрах.

– Это бланки казначейства, на какую сумму выпишешь делового леса или дров, такой и будет цена этой денежной купюры. Десять кубов дров по цене три рубля, значит, этот бланк соответствует тридцати рублям. По решению исполкома для строительства дома выделяют сто кубометров леса, из них пятьдесят кубометров по цене двадцать пять рублей, одна тысяча двести пятьдесят рублей и пятьдесят кубометров по три рубля это сто пятьдесят рублей, итого одна тысяча четыреста рублей. Бланки имеют серию и семизначный номер в двух экземплярах, заполняешь их под копировальную бумагу. Один бланк отдаешь покупателю. И так по каждому бланку. Вторые экземпляры, копии привозишь мне, в отчете указываешь номера бланков и на какую сумму. Собранные за месяц деньги прикладываешь к отчету. И еще ведешь табель выхода на работу лесников по штатному расписанию, нескольких человек ты можешь и не увидеть, они живут в отдаленных аулах, следят, чтобы не было самовольных порубок и пожаров, но в табель ты их вносишь, зарплату они приезжают получить в лесхозе. Распишись, что бланки ты получил, в тетради пятьдесят экземпляров на двадцать пять продаж. На месяц тебе хватит.

Зинаида Павловна заполнила в своем журнале о выдаче лесорубочных билетов, а Виталий расписался, что получил.

– А в этой накладной распишись, что получил форменное обмундирование. Стоимость буду удерживать из оклада частями в течении трех лет, так что это будет незаметно по финансам. А теперь пойдем на склад.

Форменная одежда: брюки и китель, заботливо отглаженные **Зинаидой Павловной** висят на плечиках. На стеллажах лежат в стопках костюмы для лесников, плащи, зимняя одежда. На других палатки, матрасы, седла, сбруя, гладкоствольные ружья, ракетницы.

Виталий взял в руки китель, полюбовался. На рукавах шевроны – золотой герб из дубовых листьев государственной лесной охраны и две золотыми полоски. На воротнике петлицы с золотой нитью, как на офицерских погонах, две крупные золотые звездочки, как у старших офицеров, золотого цвета два листа дуба, скрещенные меж собой, а над ними серп и молот, знак того, что леса страны принадлежат народу. Улыбнулся: – «Почти как офицерские погоны, но маленького размера. В общем, золота хватает и на форменной фуражке командного состава, и на воротнике, и на рукавах».

Бухгалтер показала на стопку одежды.

– Вот шинель на осень и весну, сапоги, ботинки, фуражка с кокардой, шапка с кокардой, плащ-дождевик, зимнее пальто. Забирай.

– Форму, пожалуй, в конторе одену, а остальное в мешок. Найдется?

– Найдется.

Уложив одежду в мешок, Виталий взял плечики с костюмом и понес в контору. Лесничий читал книгу и что-то записывал в тетрадь.

– Я переоденусь? Не возражаете?

– Да-да, конечно, а мешок можешь в бухгалтерии оставить, приедешь с отчетом на коне и заберешь.

Виталий переоделся, в новых туфлях, брюках, свежей рубашке с галстуком, в кителе с двумя звездочками в петлицах и шевронами на рукавах он понравился даже самому себе.

Мечта каждого настоящего мужчины это быть офицером, если не в армии, то на производстве и в быту, добиться уважения окружающих тебя людей, стать для них генералом.

Лесничий оценил вид своего помощника.

– Вот теперь у тебя солидный вид, произведет сильное впечатление. Любая мать скажет своим сыновьям: «Такой молодой, красивый, и уже лесной офицер, карагай бастык, хозяин гор, леса. Поезжай в город учиться, и ты тоже станешь большой начальник». У твоего соседа Усабаева одна звездочка в петлицах, он бай, бывший хозяин этих гор, а теперь ты главнее его. А я главнее тебя. Работай. Я стану главным лесничим, а ты будешь лесничим. А когда я пойду на пенсию, ты станешь директором.

– А директор пока главнее вас!.. Вот такая картина.

И они оба засмеялись, упоенные своей важностью.

– Есть у тебя лесники фронтовики, они тебе в отцы годятся, а есть и постарше. Лесник у нас это очень важный человек, уважаемый. А ты бастык, бас это голова, командир, они тебе подскажут, если какая ситуация возникнет. Есть и лесники, из Китая, с ними будь настороже. Лесорубочные билеты получил?

– Получил.

– Твоя работа выписывать билеты. Лесники покажут человеку, где можно срубить сухое дерево, два или три, сколько купят. Дрова стоят три рубля кубометр. За десять кубометров возьмешь тридцать рублей. В копии билета напишешь не дрова, а вершинки дерева, они стоят один рубль тридцать копеек. Семнадцать рублей остаются у тебя. Если придет человек выпилить деловую древесину, то надо указать в билете решение райисполкома, номер и дату. Такой билет надо выписывать правильно, как положено, райфинотдел проверяет.

– Мне бухгалтер выдала билеты и расценки дала, а вот как ими манипулировать не объяснила. И что с этими лишними деньгами делать? Один рубль семьдесят копеек остается с каждого кубометра.

Лесничий полуулыбаясь промолчал и Виталий понял это, что теперь это его деньги, которые ему дарит лесничий на строительство дома, чтобы тут обжился.

В обед Директор пригласил Виталия к себе домой. Стол празднично сервирован, на столе сервиз китайского фарфора.

Валентина Петровна подала Виталию тарелку с супом и кусочками мяса, от светлого ароматного бульона идет пар, вызывая у Виталия аппетит. Виталий поблагодарил и попробовал суп, он оказался необычайно вкусным. В семье на приготовление супа брали всегда говядину, и в техникуме всегда брал котлету из свинины с говядиной или гуляш из говядины, но это была не свинина и не говядина.

Хозяйка, попробовав супа, загадочно посмотрела на гостя.

– Отгадай!.. От кого мясо в супе?

– Это, пожалуй, дичина?.. А вот от какого обитателя леса – не определяю, никогда в жизни не доводилось пробовать такое!.. Это моя догадка, предположение. Это не говядина и не свинина! В этом уверен.

– Вкусно?

– Вкусно. Очень. Может быть из оленятины?

– Близко к этому, но не точно. Этот суп из нашего дикого козленка, дикой козы, которую ты в сарае видел. Утром ее Владимир Сергеевич, заколол. Так что это свежина.

«Да, – подумал Виталий, – и суп вкусный, и козу жалко. И с другой стороны, если директор начал свою жизнь в этих местах, где мяса в магазине на развес не продают, то и мне придется охотой заняться. А убивать зверей очень уж не хочется. По дороге сюда стадо горалов видел. Такой восторг меня охватил и гордость. Что-то не хочется мне тут гостить. Пора и честь знать, Пора ехать к месту службы в свой аул Каратоган, и учиться лепешки жарить».

После обеденного перерыва спросил у лесничего как доехать до места службы.

– Пешком. Автобус раз в день проезжает в аулы и забирает пассажиров, кому в город ехать, кому в Нарынкол. Так что автобус будет только завтра. У лесхоза машины нет, а в лесничестве у тебя будет конь.

– И сколько километров шагать к месту назначения?

– Восемь. Первый аул Джамбул, потом твой Каратоган. С правой стороны улицы последний дом, увидишь над дверью вывеску. Войдешь в ограду, первая дверь это твоя квартира. С другой стороны дома живет семья Усабаева, постучишь, он отдаст тебе ключи от твоей квартиры и кабинета, он в курсе. Коня приведут тебе из конюшни совхоза, он служебный, переходит от одного помощника к другому. Будут вопросы – звони, телефон там есть.

Виталий, взяв рюкзак, вышел из конторы лесхоза. В новенькой форме с золотыми звездочками в петлицах, золотыми шевронами на рукавах, в фуражке с золотым переплетом над козырьком и гербом ведомства, знаком отличия от всех остальных жителей, чувствует себя важным и счастливым. Неспеша, шагая по улице, разглядывая усадьбы казаков, крепких хозяев, дошел до моста через речку Баянкол, остановился на нем, разглядывая и любуясь открывшимся пейзажем, горной реки, совсем неглубокой, так, что видны камни на дне, по берегам пойма в густых зарослях облепили высотой выше человеческого роста, и двинулся далее.

Пыльная дорога истоптана копытами коней, коров и овец.

Разглядывая местность и размышляя как жить, на подходе к аулу **Джамбул**, встретил двух пожилых казахов на конях в теплой одежде и зимних шапках, хотя стояла такая жара, что хоть раздевайся, они остановились и с удивлением долго смотрели ему вслед, о чем-то меж собой обсуждая. «Видимо обо мне», – подумал Виталий.

Прикинул, нет и полусотни дворов в этом ауле, названного в честь акына, поэта и певца. В школе учили его произведение, послание блокадникам ленинградцам: «Ленинградцы, дети мои!».

Дома типовые, даже лучше, чем родном Хрущевском поселке, здесь они из деревянного бруса, на двух хозяев, три комнаты и кухня, добротные, с печным и водяным отоплением; земельный участок огорожен штакетником, Дома в Хрущевском поселке той же серии, но каркасно-камышитовые, так же, три комнаты и кухня, двухквартирные, с участком в три сотки земли, точно такие же, только здесь дома стоят друг от друга реже, но на усадьбах не видать ни грядки, ни сада. Зато красивая природа вокруг. Равнина. Вдали видны склоны гор с голубыми елями, и ни за что не поверишь, что находишься на высоте две тысячи метров над уровнем моря. «Что ж, – подумал Виталий, – надо привыкать к этой новой незнакомой стране. Надо привыкать. И почему стране?.. Я ведь кроме Алма-Аты, Лениногорска и Семипалатинска с русским населением глубинного Казахстана не видел, а он, выходит, что состоит из аулов с казахами. И этот аул, судя по Джамбулу, прилично выглядит. Это не юрты с каркасом из стовликов кривого саксаула, с поверх наброшенной кошмой. Таковы были привычные для пастухов укрытия зимой в мороз и от жары в зной. Хрущев сказал: «Нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме»! Вот и построили по всей стране СССР в селах и аулах для специалистов и работников совхозов двухквартирные дома, такие же, как и в городе. Нехватка хлеба угрожала. Подняли целину в северных районах Казахстана, комсомольцы со всей страны понаехали, построили дома, села. У бедных колхозников тоже просвет появился, стали с помощью государства подниматься на ноги. Совхозы создали на базе колхозов. Трудовое законодательство приняли депутаты. Появился отпуск, колхозники и рабочие стали равноправными. У колхозов осталась в собственности земля. Кстати, когда в 1930 году казахов стали загонять в колхозы, обобществляя скот, полтора миллиона казахов укрывались со своим скотом в Иран.

Аул Джамбул не впечатлил.

Виталий идет, запоминая местность.

Тишину нарушает редкое карканье воронов.

За обочиной дороги увядшие травы альпийской степи, горизонт на все четыре стороны закрыт горами, и они кажутся совсем невысокими, особенно дальние. Справа знакомое очертание горы, у нее, словно, как у батона хлеба, вырезан кусок! «Узнал!.. Да это же Джунгарские ворота! – Водитель автобуса, на подъезде к Нарынколу, показал. Здесь в древние времена пролежала дорога и в Китай, и в Киргизию на озеро Иссык-Куль! Оно находится ниже на двести метров, чем Нарынкол. А от озера дорога во Фрунзе. А от Фрунзе до Алма-Аты двести восемьдесят два километра. Как я люблю свой город! Надо же!.. Как судьба у меня складывается!.. – У Виталия поднялось настроение: – «Надо свои впечатления в дневник записать!».

За аулом дорога плавно повернула на восток. Виталий ожидал увидеть развилку, где и должен быть этот самый путь в Китай, но так и не различил в степной пожухлой траве каких либо признаков дороги, осталась неприметная тропа. В былые времена тут была дорога, натопанная боевыми конями, и верблюдами, с навьюченными на них товарами.

Империя Чингисхана распалась на государства, обрели самостоятельность и Китай и Индия. Дорога заросла травой, а историческая память передается от предков каждому из нас с генами, живет в каждом, и мы, сами того не подозревая, поступаем в сложных ситуациях так же, как поступали отец, дед, прадед...

Воображение Виталия рисует картину.

Воины Чингисхана в доспехах, с луками и стрелами в колчане, с пиками и кривыми саблями на низкорослых конях монгольской породы. Впереди татары.

Виталий в техникуме читал историю и искал на карте древнюю страну Татарию. На современных картах такой страны нет. Она была на восток от Монголии и сейчас это север территории Китая. От города Благовещенска за Амуром на юг.

Когда Чингисхан пошел в поход на Татарию, то первыми покорил татар. Из пленных сформировал воинские подразделения и использовал как живой щит монгольских воинов. Татары, как и монголы, делились на военные подразделения. Десять. Сто. Тысяча.

Дрогнул, побежал с поля боя один татарин, казнили десять, дрогнул десяток, казнили всю сотню татар.

Принцип деления на подразделения в пехоте и сегодня примерно такой же, двенадцать это отделение, три отделения это взвод, три взвода это рота. И под Сталинградом вспомнили о победителе Азии, Сталин издал Приказ. «Ни шагу назад!».

Чингисхан бережет своих воинов монгол, татары впереди первыми вступают в схватку, не позволяя оказаться побежденным. Войско пополнялось вновь захваченными пленными, и теми, кто сдался на милость победителю. Покорив племена на территории Китая, Центральной и Средней Азии, войско становилось многоликим. Воинов живого щита монголы называли татарами, будь он маньчжур, киргиз, казах, узбек, таджик, башкир. И у этих татар, полководцев разных народов, после распада Золотой орды, появилась свои территории, ханы, элита, рабы и рабыни, и из них на Волге появились в смеси с российскими племенами, народности и области государства Российского.

Представив себя вооруженным татаринком с паспортом СССР, где он указан как русский, вошел в Каратоган. По обе стороны улицы двухквартирные дома Хрущевского проекта, с сараем и туалетом во дворе, выгоревшие от солнца и покрытые пылью некрашенные заборы.

На окраине аула дом с крылечком со стороны дороги, на фронтоне крохотной веранды вывеска. «Алма-атинское областное управление лесного хозяйства Нарынкольский лесхоз Текесское лесничество».

Виталий, возвращаясь в реальность, вздохнул: – «Ну, вот наконец-то и добрался, на третий день!.. И мне тут жить?! Горько осознавать свою участь прожить три года в ауле, где нет ни одной русской семьи. Что ж!.. Надо привыкать!.. Как говорили нам на лекции по обществоведению: «Свобода это осознанная необходимость!..». Сам выбирал профессию. Сам просил

направить в Алма-атинскую область поближе к Алма-Ате!.. Получай!.. Пойду знакомиться с соседом».

Виталий вошел во двор. На крылечке дома дверь на замке: «Значит, это моя служебная квартира. В другой половине дома живёт с семьёй Усабаев. Диплома у него нет, поэтому меня и назначили на должность помощника лесничего, и чтобы занять эту должность, нас учили четыре года в техникуме. В лесхозах и лесничествах, где не хватает специалистов, с дипломом техникума работают и помощниками лесничего, лесничими, на инженерных должностях. Бабину отправили работать инженером лесхоза в Лебяжье».

Виталий зашел за угол дома, поднялся на крылечко и постучал в дверь.

Вышел мужчина в поношенной форменной одежде, понятиливо кивнул. Поздоровались, пожали руки.

– Ключ дам. – На русском языке с довольно чистым произношением, спокойным уверенным голосом, как отрезал, вернулся, и подал два ключа, скрепленных кожаной веревочкой. – Этот от дома, а этот от кабинета.

– Спасибо. – Так же спокойно и приветливо, понимая, что разговор на этом окончен, ответил Виталий. «Пойду, посмотрю, где мне обитать».

Открыв входную дверь, оказался в сенях, налево дверь в кладовую, заглянул из любопытства, пахнет овсом, на стенах гвозди: «Это вешать старую одежду». На пустых полках пыль и паутина.

Из сеней другая дверь, обитая кошмой. Кухня: печь, старенький диван у входа, стол у окна, три табурета. На стене шкафчик для продуктов, полки для посуды, кастрюля, сковорода, чайник.

В комнату двери нет, из обстановки кровать с матрасом и подушкой, стол: «Не много. А самое грустное, что не взял с собой простыни. Придется в город съездить».

Виталий подошел к окну с видом на улицу и край соседней усадьбы, русло реки и за ней пологий склон с молодыми голубыми елями. Присел на табурет отдохнуть с дороги.

Почти два часа топал по пыли. Одному тут с тоски умереть. На первой встретившейся казашке, точно, не женюсь,хватило головной боли и с Айгуль из Семипалатинска.

С подружками надо еще разобраться, влюблялся, конечно, но и расставался, без сожаления, остается пока одно, позвать маму, она так ждала, что я ее заберу к себе. Что-то у нее нелады с отцом, характеры у обоих, что кремень, вот искры и летят. И кое-что ещё из одежды и прочего привезти. Надо обживаться. Деваться некуда. Вот тебе и новая жизнь началась, товарищ командир производства!.. Как говорится, с чистого листа. Учиться было, все-таки, интереснее. Новое общежитие четырехэтажное, в комнатах новенькая мебель, простыни раз в неделю меняют, столовая в учебном корпусе. А здесь один на один с природой, чуть лучше, чем жить в палатке. Ну, да ладно, главное, есть крыша над головой и печка в доме. Это не только мой удел, и всех ровесников, кто окончил техникум, медучилище, педучилище, получил среднетехническое образование. Надо делать карьеру, чтобы жить как Строганов в районном центре, я, похоже, больше городской, чем сельский, корову, уж точно, доить не умею и не стану, а лесники живут на всем своем, как донские казаки. Надо поступить в институт. Иначе отсюда не выбраться.

Институт откроет выход на административный простор, а если еще вступить в КПСС, то, можно подняться до работника министерства, это еще в техникуме усвоил из бесед с завучем Досым Кимбаевичем Сейсембаевым. Мечты остаются мечтами, а надо печь затопить и обед приготовить.

Виталий, зарядив себя надеждами, сходил к соседу и спросил разрешения взять его дрова, тот в знак согласия кивнул головой.

Нарубив дров, затопил печь, затрещали в топке еловые поленья, от этих звуков стало домашнему уютнее. Если чего и не хватает, так это воды приготовить суп и чай.

Во дворе ни колодца, ни колонки с водой.

С ведром к реке вышел из ограды усадьбы, перешел дорогу и остановился у обрыва.

Пойма горной речки в зарослях облепили, у ближнего куста сидит заяц и греется на теплом осеннем солнышке, поодаль видно другого, из-за куста выглядывает третий. Виталий из любопытства прошел по берегу вверх по течению, и удивился, здесь водится невероятно много зайцев, вот этим ушастым тут настоящий рай! А мне и оазис, и склад непуганой зайчатины!.. Вот на этих косых, я бы поохотился, для православного это не грех!..

Спустился по откосу к берегу, поставил на камни, зачерпнув ладонью, попробовал на вкус горную с таящих ледников ледяную воду хрустальной чистоты, настолько ледяную, что заломило зубы, согрел во рту, выпил и ощутил прилив энергии. После двухчасовой прогулки от райцентра до аула жажда давала о себе знать, и он неспеша ее утолил, размышляя, что вот из таких мест и берут начало все горные малые речки Семиречья.

Река Баянкол берёт начало у ледника, ниже по течению сливается с такими же речками, притоки наполняют реку Или, а она впадает в озеро Балхаш.

«Надо же, как складывается моя судьба! – Рассуждает Виталий. – В детстве наша семья жила на станции Или, на берегу реки Или. Отец моего отца, дед, строил мост через реку, в 1925 году поранив руку ржавым железом, умер. В 1953 отец и мама работали в школе на станции Или, и я наблюдал, как символично прощались у речного причала с вождем всех народов советской страны, Сталиным. На улице под столбом с громкоговорителем наверху и электрической лампочкой под абажуром, напротив здания порта, на стульях гроб обтянутый красной материей, в гробу портрет, цветы. Рядом с гробом почетный караул двух мужчин в черных костюмах с белой повязкой на рукаве. Караул менялся каждый час. Люди подходили, многие плакали, и, постояв, уходили.

Помню, как рыбачил с отцом, я сидел в тени деревьев с серебристыми листьями, а отец на берегу с удочками. И вот спустя столько лет я оказался у одного из истоков этой реки!.. Как же это здорово!..

Словно потянуло волшебным ветром Времени.

Так я же и родился на пасеке на берегу реки Малая Алма-Атинка в урочище Медео!.. Она тоже впадает в реку Или!..

Что ж!.. Все вместе взятое делает Каратоган ближе к сердцу!..».

Рассуждая и разглядывая обрывистый берег, заметил слой песка выше камней современного русла, старицу, присмотрелся, взял в ладонь и увидел, что в песке поблескивают едва заметные крупинки золота. В техникуме преподавали основы минералогии, и когда с бабулей ездил в экспедицию под город Фрунзе видел такие крупинки, запомнил цвет, и малюсенький самородочек, его показал геолог Веригин, сын агронома Веригина в колхозе Горный гигант, и друг детства мамы.

Виталий вернулся в дом, поставил на плиту чайник, вскрыл банку с консервами из сайры, сварил суп и пообедал и задумался: «Хлеб, взятый про запас закончился, остается одно, самому месить тесто и жарить лепешки в сковороде на масле. Что ж, полюблю и лепешки. Романтика! А теперь на службу в контору лесничества».

Достал из рюкзака тетрадь Лесорубочных билетов, и вышел из дома.

У сарая на усадьбе мальчик сосед отколол топориком щепку от чурки и подложил в трубу самовара.

Заметив соседа, мальчик, улыбаясь, подошел к Виталию.

– Здравствуйте, – на чистом без акцента русском произнес парнишка и протянул для приветствия руку.

Виталий удивился, мальчик говорит на чистом русском языке.

– Здравствуй, – протянул руку и пожал довольно крепкую ладонь мальчика. – А как тебя зовут.

– Карим.

– Красивое имя, а что оно означает? Как переводится?

– Святой, это одно из девяноста девяти имен Аллаха, великодушный, широкой души человек, щедрый, честный, уважаемый, дорогой.

– Великолепно! Твоя судьба зашифрована в этом имени! Я хотел бы, чтобы каждый человек на планете носил такое имя. В Библии у православных где-то там сказано, что человек создан по образу и подобию Бога, и каждое имя тоже имеет значение, например, Геннадий и Георгий означают благородный. А тебе и лет то не так много, а ты уже знаешь значение своего имени и Коран. Сколько тебе лет?

– Одиннадцать. Коран я не читал, я пионер, а родители читают молитвы, все читают, но об этом не принято говорить.

– Ты хорошо говоришь.

– В школе учим, учебники на русском, и учителя наши говорят на русском, учим арифметику, писать на русском, моя сестра учитель русского языка.

В калитку вошла девушка.

– **Мархаббат! – Карим махнул рукой сестре**, приглашая подойти.

Виталий хотел подать руку девушке для пожатия, но мелькнула мысль, по законам кавказцев, если парень прикоснулся рукой до девушки, то обязан на ней жениться. И кавказцы, и казахи мусульмане. Она дочь бая, но как ее воспитали?.. Училась в городе то обязательно комсомолка и обязана быть атеисткой. В райкоме комсомола при вступлении все обязаны ответить на патриотические вопросы и дать зазубренные патриотические ответы. А как тут поступить, знакомясь с дочкой бая?.. Как это расценит Карим? Даже если он и пионер!.. Родители?.. Соседи?.. Мусульмане чтут законы. И в нерешительности опустил руку, разглядывая ее темные глаза и читая в них любопытство, удивление и по выражению лица симпатию к себе.

– Меня зовут Виталий, направили работать к вам.

Девушка смущенно улыбнулась.

– Знаю, папа говорил. – И, дав понять, что разговор окончен, пошла домой, а Карим, сопровождая сестру, вернулся к самовару.

Виталий вышел из усадьбы лесничества и прикрыл за собой калитку.

Улица аула крохотный отрезок на древней дороге к пику Хантенгри, святому месту для мусульман.

Предки казахов жили на альпийских лугах в юртах. Для современных казахов дома построили при Хрущеве в шестидесятых годах, когда создавали совхозы. Дом наш совсем как новенький!..

С крыльца конторы Виктор осмотрелся по сторонам, дорога ведет в горы, вдоль нее река, за ней склон с молодыми елями, на западе на горизонте хребтик. «О!.. знакомые Джунгарские ворота. И чем они притягивают взор?.. Да!.. так и хочется заглянуть в толщу веков, как жили тут люди, с кем враждовали из-за этих красивых мест, откуда кто пришел, кого вытеснили! За хорошие пастбища и земли во все времена шли войны. Читал, что Джунгарские ворота на Великом шелковом пути, а он не один, это сеть дорог.

Когда-то караваны верблюдов с вьюками товаров шли из Персии, Турции, Кавказа, Крыма, Поволжья, там, где современный Саратов, поворачивали на восток к северному берегу озера Балхаш, огибал его и раздваивался. На северо-восток по горам Восточного Алтая к озеру Караколь, в Китай. Другой путь от Балхаша ведет на восток, на озеро Иссык-Куль и далее по Тянь-Шаню и Памиру, вот на этой дороге и находится мой кордон. За Каратоганом развилка, дорога в Уйгурский национальный округ, другая в Киргизию, озеру Иссык-Куль по склонам Тянь-Шаня. В Китае дороги разветвляются, и по ним, следуя на восток, можно достичь берега Тихого океана. А на юг по Тибету до Индийского океана. Да!.. Такой была империя Чингиз хана, от берегов Тихого океана, Индийского, до Дуная и Балтики. По этим дорогам шли и кара-

ваны купцов, скакали на конях воины, гонцы, чиновники, собирая ясак. В интересное место я попал. Русских в этом ауле нет, и мне теперь придется окунуться в атмосферу традиций людей, живущих тут веками и тысячелетиями. Им здесь, похоже, что нравится. И мне должно понравиться, надо сделать все, чтобы понравилось!.. В этой империи одинаковый образ жизни, скотоводство и аграрии, понимают друг друга, живут довольно мирно, терпимы ко всем религиям, а религия и определяет культуру каждого народа. Бабуля называла казахов киргизами, а их и в Китае множество. Когда создавали союзные республики и поделили на Киргизскую ССР и Казахскую ССР, по историческим документам.

Виталий достал из кармана ключ и открыл дверь в кабинет лесничего.

Маленькая комната с письменным столом, на нем телефон, стулья, в углу сейф, в нем карта и тома таксационного описания, в дверце ключ. Положил в сейф тетрадь Лесорубочных билетов, закрыл сейф, а ключ положил в ящик стола.

Кордон, в старину застава, дом строят на обочине дороги, а дорогу перекрывают шлагбаумом, чтобы проверить, законно ли вывозят из леса древесину и убитых животных.

Высота – две тысячи метров над уровнем моря, в это трудно поверить, пойма реки ровная, долина просторная.

От дома лесничества и до озера Иссык-Куль в Киргизии нет аулов. Всё!.. Прибыл к месту назначения!.. Дальше Тянь-Шань с пиком Хантенгри и ледниками, почти забытыми дорогами и тропами.

Из окна вид **на поле со стерней овса**, дорогу в ущелье.

Моя забота, как работника государственной лесной охраны проверять, на законном ли основании вывозят трактором или машиной бревна на строительство дома, или конь волочит по земле бревно из ели на дрова, у охотника лицензию на добычу зверя.

На столе телефон, – подумал, – позвонить лесничему, что прибыл к мету назначения? Вспомнил, что телефон в кабинете директора и не стал его беспокоить, так как посчитал, что нарушит субординацию, и пошел в свою квартирку. Во дворе вновь встретил Карима.

– **Карим!.. Подскажи, где у вас магазин.**

Карим привел в дом напротив, постучал в дверь. Вышла хозяйка, поздоровалась, кивнув головой Виталию в знак знакомства. Карим что-то сказал хозяйке, и она пригласила жестом пройти в комнату.

– Что ты ей сказал?

– Карагайбастык надо муку, чай, сахар, рис, соль, макароны.

– А гречка есть?

– Есть.

Комната заставлена мешками, канистрами. У стены напротив штабель до потолка с ящиками лимонада, пива, водки.

– Скажи, что мне надо муки пять килограммов, рис, всякой крупы по килограмму.

– У нее весов нет, все берут мешками, масло подсолнечное в канистрах, чай цейлонский пачками.

– А сливочное масло?

У нас все дома из молока делают масло, сливки, творог, а из него курт.

Послушай, для меня проблема всего купить по мешку, у меня есть, конечно, немного денег, на такое я не рассчитывал, мне одному, если брать по мешку, на год хватит, да еще и останется.

– У нас большие семьи и по килограмму не берут. Скажу отцу, завтра лесники привезут тебе в дом муку, рис, масло. У тебя хватит денег?

– Пожалуй, хватит. Остальное куплю с зарплаты.

– Тогда сразу рассчитайся.

– Я бы еще ящик лимонада взял. Лепешек нажарю, и буду праздновать. Приходи вечером в гости.

Карим в свободное время стал приходить к Виталию обучать казахскому языку, и это он делал с удовольствием.

Покажет на нос пальцем и называет, Виталий повторяет по несколько раз на разные лады, запоминая, что означает и с какой интонацией и звуками это надо произносить, покажет Карим на голову – говорит бас. Лес – карагай, а ты карагайбастык, лесной голова. Учит счету до ста, один рубль – сом, а это уже достаточно, чтобы сказать, сколько нужно заплатить за лес, понять друг друга с казахом, высланным из Китая.

– А как переводится название реки Баянкол. На карте у нее такое название.

– Поющая река.

– Хорошее, красивое название, течет по камням, и не быстро и не медленно, шумит мягко, и в правду, словно поет. Казахи, видать, тут поэты. Мы учили в школе о Джамбуле, но я не ожидал, и никому не поверил бы, что буду жить в соседнем ауле, где он живет, или жил, об этом надо будет поинтересоваться.

Паспорт и диплом на русском и казахском языках. Живу в СССР.

Так и полагал, проживая в городе до пятнадцати лет, что малая родина многонациональная, что если все говорят на русском языке, значит, какой бы национальности человек не был, он лично для меня русский, не из-за национальности, а от того, что это история России, бывшей Российской империи, так уж сложилось. Даже из Германии приезжали герцогини на царствование, принимали православие и становились русскими великими княгинями, императрицами.

И в Алма-Ате и Лениногорске, так и думал, что раз все говорят на русском языке, значит, в Казахстане все мы русские.

В 1941 году в Алма-Ату эвакуировали беженцев из западных республик. Украинцев, немцев с Поволжья, белорусов, поляков, эстонцев, латышей, латвийцев, кавказцев. Из Приморского края вывезли сто сорок тысяч корейцев, побоялись, что если война с Японией начнется, то будет трудно отличить, кто из них японец, а кто кореец. Сто национальностей набралось в столице Казахстана, все на русском языке общаются, а дома говорят на своем родном. Казахи заняты своим обычным делом, кочуют с отарами овец в степи, в горах на альпийских лугах, джайлау, среди цветов и зелени роскошной природы, выполняют план пятилеток по сдаче мяса государству, об успехах животноводов узнают в кинотеатрах и клубах из кинохроники «Новости дня». До начала сеанса художественного фильма шел рассказ о событиях в стране и на фронте за последний месяц.

В шестидесятых годах, когда объявили в СССР, что нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме, казахов, мужчин и женщин, устроили на работу в совхоз, каждой семье дали квартиру. Бабушки и дедушки присматривают за детьми в аулах, муж и жена на джайлау в юртах, и пасут государственных и собственных овец.

В горах живут веками и тысячелетиями, привыкли и к слегка разряженному воздуху и к мягкому климату.

Кто не работает, тот не ест, вот и придумывают должность для жены помощник чабана, и получает семья тысячу рублей в месяц, почти как Генеральный секретарь ЦК КПСС, а минимальная зарплата для городских рядовых тружеников шестьдесят рублей.

Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет.

Запас слов у Виталия с каждым днем расширяется, когда он с Каримом общаются во дворе, две младшие сестренки с любопытством выглядывают в окно. И так совпадает, что, в то время когда он обедает на кухне и наблюдает в окно за всем, что происходит во дворе, Мархаббат возвращается домой. Бросить все и выйти пообщаться, считает для себя неловким, а

для девушки еще и многозначительным, и получается, что поговорить с ровесницами в ауле, похоже, что кроме Мархаббат, не с кем, во всяком случае, пока больше ни с кем и не знаком. Да и есть ли еще кто в ауле, пока не понятно. Да и что им тут делать? Работы им в аулах нет, и, окончив школу, уезжают учиться в город. Все институты и техникумы заполнены студентами казахами, а молодежь всех других национальностей уезжает учиться в города на север Казахстана, и в Россию.

Казахский народ был кочевым, стал оседлым. Жена Усабая утром и вечером ходит с эмалированным ведром в сарай доить корову. Карим, славный помощник матери, то и дело, ставит самовар вскипятить воду на чай, колет и носит дрова в дом.

Виталий, поужинав и вечеря за чаем, глядя на уходящее Солнце за горизонт из плавных очертаний гор, подумал: – «А, что будет, если Зимаскову Светку позвать замуж, она, точно, ждет его, то ее удел будет тот же, что и у соседки апы, всю жизнь просидеть в доме, заниматься хозяйством и детей растить. На работу в лесничество не устроишь лесником, а в совхоз не возьмут. Детский сад в Нарынколе, здесь нет. Остается, возможно, единственная для нее должность уборщицы в школе, если парторг поможет. Безработных у нас в стране не может быть по определению социализма, каждый обязан хоть где-нибудь, да работать. А если у Светланы и есть профессия или специальность, то не по сельскому профилю, городская. Вот и думай, устроит ли ее и тебя такая судьба навсегда остаться в этом ауле?..

Утром сварил макароны, обжарил на сковороде в подсолнечном масле, выпил густого цейлонского чаю, отправился в кабинет на службу.

Стук в дверь, вошел казах среднего возраста, брюки не глажены, рубашка ничем не отличается от тех, что носят в городе мужчины. Поздоровался на чистейшем русском языке с доброжелательной интонацией, как говорил бы отец с сыном.

– Мне надо двадцать кубометров дров.

Виталий достал из сейфа бланки лесорубочных билетов, заполнил графы: фамилия имя и отчество, адрес, наименование дров, количество, двадцать, цена, три рубля, сумма шестьдесят рублей. Заверил бланк с печатью лесхоза своей подписью. На чистом листе бумаги, для отчета записал данные: номер лесобилета и остальное.

– С вас шестьдесят рублей.

Получил деньги без сдачи, шесть десятирублевых купюр, на которой мелким шрифтом указано, что казначейский билет обеспечен граммами золота. Вырвал бланк лесорубочного билета и подал посетителю.

– Спасибо, – поблагодарил казах, аккуратно сворачивая билет вчетверо. – **Мы соседи и у нас принято приглашать на согум родных и уважаемых людей**, и я приглашаю вас. В первых числах ноября я вас позову.

Виталий улыбнулся.

– И вам спасибо за приглашение.

Он доволен, общение идет на русском языке, если между людьми разговор идет на нем, то ты такой же, как и все советский человек, неважно какой ты национальности, это и есть советский патриотизм. «Человек человеку друг товарищ и брат», так гласит первый пункт Морального кодекса строителя коммунизма, а по Библии первая заповедь Моисея: «Не убий».

Пожали друг другу руки. Виталий надел форменную фуражку и пошел проводить соседа.

– Меня зовут Виталий.

– А по отчеству?

– Я моложе вас, вы ровесник моему отцу.

– Так положено. К начальству обращаются по имени и отчеству.

Виталий улыбнулся, явно довольный, что общение идет на русском языке, что делает не таким уж и важным недопонимания из-за языка и цвета кожи. Говоришь на русском языке,

означает, что ты такой же простой рядовой, как и все, советский человек и неважно какой национальности, казах или чеченец, еврей или уйгур.

– Виталий Георгиевич По-батюшке, если для вас это важно. А вас как?

– **Нуржан.**

– И что означает это имя?

– Красивая душа.

На крыльце увидели, что Усабаев, сидя в седле на своем рослом коне, ведет за повод коня монгольской породы, он низкорослый и карего цвета. Усабаев слез с коня и привязывает по очереди уздечки к прожилинам усадьбы.

Подошли к Усабаеву.

– **Твой. – Усабаев кивнул на коня.**

Виталий подошел, гладит коня по шее, чешет у него за ухом, выказывая ему свою любовь. Конь оглянулся, посмотрел, знакомясь, и, как показалось, принимая дружбу.

Сосед что-то стал рассказывать Усабаеву, а на Виталия нахлынуло радостное настроение, он счастлив. Обрадованный тем, что он теперь с лесниками будет на равных, сидя на коне, хоть и не на таком уж высоком как у Усабаева и остальных, но зато как у настоящего чингизида! Наверное, этим хотели выразить особое уважение! Из книг и кинофильмов вспомнил команду: «Эскадрон! Рысью!.. Марш!». Или это память на уровне генов достала из своих запасников?! Он же из казачьего сословия, и эти слова у него передаются по крови? Это та самая любовь к лошадям!.. Значит, мозг вспомнит и привычку от предков как коня оседлать!.. Хотя никогда не доводилось ездить. Время словно остановилось, вспомнил, отец рассказывал, что ему его отец, подарил жеребенка, отцу было пять лет, тогда жили на станции Или под Алма-Атой. С жеребенком отец не расставался пока учился в школе, а затем оставил тете, она и сейчас живет в Табаксовхозе, муж у нее ветеринар. Отец уехал в город, поступил в спортивный техникум. Коня своего навещал, приезжая к родным в гости помочь заготовить сена для хозяйства.

Виталий в пол уха услышал Усабаева, он без выражения эмоций пояснил.

– Хороший конь, спокойный, четырнадцать лет, не старый.

Виталий любит своего служебным конем. Сотни и сотни лет назад, на таких воины дошли до берегов Тихого и Индийского океанов. А затем до Дуная и Балтийского моря.

Усабай с прищуром в глазах наблюдает за Виталием, Нуржан тоже рад за него, им обоим хочется увидеть, а каков он как седок, взмахнет ли с легкостью в седло как подобает молодому воину, джигиту? Достоин ли он такого коня? Быть начальником, беком?

Уловив во взглядах соседей иронию, **Виталий вызов принял**, ему не терпится оседлать коня, мелькнуло: «Назову его Карькой! Да, что ж, я лошадей не видел, что ли?.. У деда в саду конь пасся, а дядя Костя сажал на хребет, и до сих пор помню, какой он жесткий, и в техникуме завуч назначил дежурным, печи топить в общежитии. Решили посмотреть, справится мальчик из столицы, городской, с конем, а его надо запрячь в телегу, дров наколоть. Заметил, что посматривают в окно из конторы. Видел, как бабуля коня запрягала в телегу. В первый раз хомут на шею лошади не так как надо пристроил. Со второй попытки разобрался, если внимательно присмотреться к упряжи, то по-иному не получится. Запряг. А тут конь оседлан, остается только лихо вставить ногу в стремя, а другой хорошенько оттолкнуться от земли и перекинуть через заднюю дужку седла, чтобы ногой не зацепиться. А ноги у меня сильные. Люблю на Веригину гору сходить, как только удастся в городе побывать. И штангу весом пятьдесят килограммов в пятнадцать лет в техникуме поднял с первой попытки, и приседание и жим. Так что сесть в седло?.. Сяду, не сомневаюсь. А вот если бы и боевую саблю еще в руку, то выглядел бы эффектнее. Да только учиться сабельному мастерству не довелось, этому начинают учить, когда мальчонка казачьего рода племени штанишки впервые одевает. С раннего детства, палкой по воде бьет, воду рубит. Да мне это и не к чему было. Времена другие. Да и саблю дед в ЧК сдал в тридцатых годах, а в шестидесятых маузер и револьвер, держал под

подушкой бывший судья Алма-Аты, Хрущев приказал сдать оружие. Времена сейчас такие, что атомная бомба решает исход войны. А мне сейчас нельзя опозориться, это моя маленькая битва за право быть признанным среди казахов, за свой престиж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.